

V. К столетию русской революции

Леонид Люкс

Почему большевики пришли к власти? К предстоящему столетию октябрьского переворота*

«Парадокс» Февральской революции

Февральскую революцию, которая привела к свержению династии Романовых, встретило с энтузиазмом громадно большинство населения Российской империи. Философ Федор Степун – очевидец тех событий – говорил в своих воспоминаниях: «В те дни все, от социалистов до черносотенцев, были революционерами и демократами»¹. Ленин в своих «Апрельских тезисах» писал тогда, что «Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран»². Почему же у этого самого свободного государственного строя в истории страны, 8 месяцев после его основания, не оказалось в сущности никаких защитников? Чтобы ответить на этот вопрос, надо в первую очередь отметить, что Февральская революция состояла из двух как бы противоположных по целям революций. Во-первых, из революции образованных слоев общества, которые хотели превратить страну в парламентскую демократию западного типа и завершить начавшееся в 1905 году развитие России в направлении плюралистического государства. Во-вторых, из революции нижних слоев российского общества, связывавших с ней совсем иные чаяния. В этом и заключался ее «парадокс», о котором писал уже Лев Троцкий в своей *Истории русской революции*³. «Низы» ждали от Февраля осуществления своих давних идеалов социальной справедливости, которые, как указывали многие авторы, прежде всего основывались на представлениях о равенстве: революцию российские «низы» связывали с отказом от иерархического принципа как такового. Партии, ставившие под вопрос принцип социального равенства, имели в 1917 году в обстановке угара эгалитаризма мало шансов на успех.

* Расширенная версия главы моей монографии *История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина* (М.: РОССПЭН, 2009).

¹ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 262.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС), М., 1958-1965. Т. 31. С. 114-115.

³ Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Berlin, 1960. P. 139-169.

Пропасть между «низами» и «верхами», которая в России углублялась из поколения в поколение, достигла размеров, немислимых в тогдашней Европе. Причем разные интересы «верхов» и «низов» были оформлены и «институционально» в первые же дни революции. Буржуазно-либеральные круги были представлены в учрежденном 27 февраля 1917 года Временном комитете Государственной Думы и в созданном этим комитетом 2 марта 1917 года Временном правительстве. Интересы нижних слоев общества отражал возникший в то же время на основе «базисной демократии» Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет). Движение за создание Советов необычайно быстро распространилось по всей стране и захватило даже русское крестьянство. Советы были организациями социальных низов, стремившихся отделить свои интересы и структуры от буржуазных учреждений.

Лишь социалистические партии или партии, отстаивавшие принцип так называемой «революционной демократии», были представлены в Советах. В первую очередь это были эсеры, меньшевики и большевики. Кроме того, в Советах были представлены анархисты и различные мелкие левые группировки. Так как Советы представляли подавляющее большинство населения, которое однозначно сделало «социалистический выбор», многие исследователи вновь и вновь задаются вопросом: почему руководство Петросовета не стремилось с самого начала взять на себя всю полноту власти в стране, почему оно вначале было готово поддержать Временное правительство, не имевшее в своих руках почти никаких инструментов власти? Часто выдвигается тезис, что умеренные социалисты (меньшевики и эсеры), до лета 1917 года имевшие большинство в Петросовете, не были готовы взять на себя ведущую роль в «буржуазной революции», каковой они считали Февральскую революцию.

Страх перед «крестьянином в солдатской шинели»

Боязнь взять на себя ответственность за «буржуазную революцию» действительно играла важную роль прежде всего в политике меньшевиков. Однако не меньшим был страх, испытываемый умеренными социалистами перед волной анархии, грозившей захлестнуть Россию после роспуска прежних механизмов контроля, страх перед беспощадным крестьянским бунтом, который мог уничтожить достижения Февральской революции. Россия была классической страной мощных крестьянских восстаний, время от времени угрожавших разрушением основ русского государства. Подавление крестьянских бунтов требовало от российского правительства чрезвычайного напряжения военных сил. В итоге регулярные правительственные войска всегда побеждали плохо организованные массы доведенного до отчаяния народа.

В 1917 году намечалась совершенно иная форма Жакерии (крестьянского бунта). Недовольное русское крестьянство, стремившееся к радикальному решению аграрного вопроса, после начала Первой мировой войны получило в руки оружие. До конца 1916 года в армию было призвано около пятнадцати миллионов человек, в большинстве своем сельских жителей. К началу Февральской революции вооруженные силы России насчитывали около девяти миллионов солдат, в основном вчерашних крестьян⁴. Неповиновение Петроградского гарнизона (около 180 000 солдат)⁵ и их братание с взбунтовавшимися рабочими столицы определило судьбу русской монархии. Это привело к необычайному росту самосознания «крестьян в солдатских шинелях». Под их давлением Петросовет 1 марта 1917 года принял ставший знаменитым приказ №1, содержащий среди прочих следующие постулаты: по всем политическим вопросам каждая воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и его комитету; приказы военной комиссии Государственной Думы следует выполнять лишь в тех случаях, когда они не противоречат приказам и решениям Совета рабочих и солдатских депутатов; все виды вооружения должны находиться в руках и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни при каких обстоятельствах не предоставляться в распоряжение офицеров, даже по их требованию.

Несмотря на то, что этот приказ распространялся только на Петроградский гарнизон и вследствие мощных протестов военного руководства 5 марта 1917 года приказом Совета №2 был немного смягчен⁶, процесс революционизации всей армии и разрыхления ее командных структур уже нельзя было остановить. С этих пор судьба Февральской революции все в большей степени зависела от отношения к ней солдат. Многие лидеры Советов из лагеря умеренных социалистов считали такое положение чрезвычайно опасным. Н.Н. Суханов, принадлежавший к левому крылу меньшевиков-интернационалистов, писал: «Непосредственное участие в революции армии было не что иное, как форма вмешательства крестьянства, форма его проникновения в недра революционного процесса. С моей точки зрения марксиста и интернационалиста это было совершенно неуместное вмешательство, глубоко вредное проникновение [... Над] самой колыбелью, у самого кормила революции неотступно, всей тяжелой массой стояло крестьянство, да еще с винтовкой в руках. Оно заявляло: я хозяин не только страны, не только российского государства, не только ближайшего периода русской истории, я хозяин революции, которая не могла быть совершена без меня ... Это было совершенно неуместно и крайне вредно»⁷.

⁴ Altrichter H. *Russland 1917: Ein Land auf der Suche nach sich selbst*. Paderborn, 1997. P. 102, 307; Булдаков В. *Путь к Октябрю // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа*. М., 1991. С. 27.

⁵ Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion 1917-1991*. München, 1998. С. 66; Булдаков. *Путь к Октябрю*. С. 27.

⁶ Altrichter. *Russland*. P.141.

⁷ Суханов Н. *Записки о русской революции*. М., 1991. Т. 1. С. 231.

Меньшевик Ираклий Церетели, принадлежавший к центральным фигурам Совета, писал по этому же поводу: «Вездесущие солдатские массы придавали революции особый отпечаток. Своим отношением к революции солдатские массы обеспечили ей победу в Феврале 1917 года. Участие масс в революции вытекало не из их социалистических идеалов, а из элементарной ненависти к старому режиму. Недовольные солдаты смели старый режим, но не имели ясного представления о том, что, собственно, происходит. Задачей вождей революции было просветить этих людей, не имевших элементарного политического образования, объяснить им механизмы свободного демократического общества. Только таким образом можно было преодолеть ту чрезвычайную опасность, которую эти анархистские массы представляли для революции»⁸.

Уже однажды в XX веке часть революционной русской интеллигенции в ужасе отшатнулась от революционной действительности. Это было в 1905 году, когда восстания в городах и селах с полной очевидностью показали, какой интенсивности достигли социальные конфликты в империи. Реакция части образованных людей на эти процессы некоторым образом напоминает позицию европейских либералов в 1848 году. И у них эйфория начала революции очень быстро сменилась «большим страхом». Своим главным противником они считали теперь не столько критикуемый ими старый режим, сколько «четвертое сословие» – промышленных рабочих, не признававших основы основ общества – частной собственности. В России ставшая после 1905 года умеренной часть интеллигенции беспокоилась не столько о частной собственности, сколько о существовании культурного слоя как такового. Михаил Гершензон, один из авторов сборника *Вехи* (1909), который сурово осудил революционное кредо русской интеллигенции, писал, что после 1905 г. возникла парадоксальная ситуация: низы, за которые интеллигенция боролась, презирали образованный слой как таковой, а государство, против которого интеллигенция боролась, защищало ее «своими штыками и тюрьмами от народной ярости»⁹. В Февральскую революцию этот государственный аппарат, защищающий образованный слой от народного гнева – чиновничество, полиция – рухнул за несколько дней.

⁸ Церетели И. Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963.

⁹ Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 89.

Временное правительство и Советы: поиск взаимопонимания

Манифестом от 3 марта 1917 года Временное правительство объявило о замене полиции народной милицией и проведении всеобщих прямых и равных выборов при тайном голосовании¹⁰. Однако в стране, одновременно находившейся и в состоянии революционного брожения, и войны с превосходящими силами внешних врагов, претворить в жизнь эти принципы, а также найти замену гигантской государственной машине царизма, было весьма не просто. Чтобы предотвратить полный развал государства и общества и тем самым избежать цивилизационной катастрофы в стране, Временное правительство нуждалось в решительной поддержке Советов. Руководство Советов, сначала Петросовета, а после первого Всероссийского съезда Советов в июне 1917 года – на всероссийском уровне, было готово предоставить такую поддержку. При этом речь шла, однако, о поддержке на определенных условиях.

Советы представляли собой своего рода наблюдательный орган «революционной демократии». Главной задачей этого органа была «борьба с остатками старого режима и происками контрреволюции». *Манифест Временного правительства* от 3 марта 1917 года появился под давлением вождей Советов. *Манифестом*, среди прочего, объявлялась полная немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам, включая террористические покушения и военные восстания. К этому добавлялось провозглашение свобод – слова, печати, собраний. Все сословные, конфессиональные и национальные ограничения отменялись. *Манифест* обещал также «немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания».

Несмотря на свою радикальность, этот каталог прав и свобод не выходил за рамки буржуазно-демократической системы. В остальном вожди Советов не хотели предопределять будущий государственный строй России. Этот вопрос следовало решить Учредительному собранию, которое должно было быть избрано не на базе революционного классового, а на основе всеобщего демократического избирательного права.

Руководство Советов одобрило не только программу, но и состав Временного правительства. В правительстве доминировали либералы – партии конституционных демократов (кадетов) и октябристов, которые были немного правее кадетов. Лидер кадетов П.Н. Милюков возглавил министерство иностранных дел; руководитель октябристов А.И. Гучков стал военным министром. Милюков, самый влиятельный политик в новом кабинете, хотел также пригласить в правительство и некоторых вождей Советов.

Единственный из них, кто принял это приглашение, был А.Ф. Керенский, один из заместителей председателя Петросовета. Он занял пост министра юс-

¹⁰ Die russische Revolution 1917: Von der Abdankung des Zaren bis zum Staatsstreich der Bolschewiki / Ed. M. Hellmann. München, 1977. С. 153.

тиции¹¹. Это решение Керенского не вызвало принципиальных возражений со стороны Совета. Хотя часть фракции большевиков в Совете голосовала против достижения договоренности с буржуазным правительством и призвала к созданию временного революционного правительства, однако это предложение было отклонено подавляющим большинством депутатов Совета, в том числе многими большевиками.

Складывалось впечатление, что даже большевики – самое радикальное направление российского рабочего движения – вместе с умеренными социалистами вошли в ряды единого фронта «революционной демократии», особенно после возвращения из ссылки таких видных деятелей партии как Лев Каменев и Иосиф Сталин. Курс большевиков и их центрального органа, газеты *Правда*, начинал все больше сближаться с меньшевиками. Обсуждалась даже возможность объединения обоих враждовавших с 1903 года течений российской социал-демократии. Однако этот процесс был прерван после возвращения 3 апреля 1917 года из швейцарской эмиграции основателя и вождя партии большевиков В.И. Ленина.

Возвращение Ленина в Россию и раскол в лагере революции

На следующий день после возвращения в Россию Ленин огласил свои ставшие знаменитыми «Апрельские тезисы», которые, как писали авторы изданного в Москве в 1991 году исторического труда *Наше Отечество*, «примерно через полгода поистине перевернули Россию»¹². Ленин сказал: «Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран – см. выше – Л.Л.), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма». Затем вождь большевиков объявил следующие лозунги: «3. Никакой поддержки Временному правительству... 4. (...) Разъяснение массам, что Советы рабочих депутатов есть *единственно возможная* форма революционного правительства... 5. Не парламентская республика, – возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих,

¹¹ Kerenski A. Erinnerungen: Vom Sturz des Zarentums bis zu Lenins Staatsstreich. Dresden, 1928. P. 102.

¹² Наше Отечество. М., 1991. Т. 1. С. 360; см. также Волобуев П. Предисловие // Октябрь 1917. С. 7.

батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху... 6. (...) Конфискация всех помещичьих земель. Национализация *всех* земель в стране...»¹³.

Не только у умеренных русских социалистов, но и у большинства большевистских вождей ленинские тезисы вызвали настоящий шок. Многие наблюдатели, в том числе и некоторые большевики, обвиняли Ленина в том, что он не знает о происходящем в стране, что он, много лет прожив в эмиграции, потерял всякую связь с русской реальностью¹⁴. Сталин тогда критиковал тезисы Ленина за схематизм и абстрактность. Каменев был против ленинского тезиса, что буржуазно-демократическая революция в России уже закончена.

Несмотря на многочисленную критику из собственных рядов, Ленин очень быстро добился своей цели в партии. В середине апреля ленинский курс был одобрен на петроградской, а в конце апреля – на всероссийской конференции большевиков. Это была, вероятно, одна из самых больших побед Ленина за всю его политическую карьеру. То, что Ленин сумел с такой легкостью преодолеть внутривнутрипартийную оппозицию, очевидец этих событий Суханов объяснял так: «Ленин на практике, исторически, был монопольным, единым и нераздельным главою партии в течение долгих лет со дня ее возникновения. Большевистская партия – это дело рук Ленина, и притом его одного. Мимо него на ответственных постах проходили десятки и сотни людей, сменялись одно за другим поколения революционеров, а Ленин неизменно оставался на своем посту, целиком определял физиономию партии и ни с кем не делил власти. [...Кроме] Ленина в партии *не было* никого и ничего. Несколько крупных «генералов» без Ленина – *ничто* как несколько ... планет без солнца (я сейчас оставляю Троцкого, бывшего тогда еще вне рядов ордена (...)). (...) О замене Ленина отдельными лицами или комбинациями не могло быть речи. Ни самостоятельного идейного содержания, ни организационной базы, то есть ни целей, ни возможностей существования, у большевистской партии без Ленина быть не могло»¹⁵. Блок «революционной демократии», более или менее консолидированный, дал трещину, углублявшуюся на протяжении 1917 года. В конце концов произошел раскол этого блока, имевший роковые последствия для всех его участников.

Вновь и вновь в исследованиях ставится вопрос о причинах захватывающего дух триумфа большевиков. Их восхождение к власти за восемь месяцев, прошедших после Февральской революции, когда большевики с обочины политической жизни поднялись к вершинам господства в одном из самых больших государств мира, принадлежит к самым удивительным феноменам новейшей истории.

¹³ Ленин. ПСС. Т. 31. С. 114-115.

¹⁴ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. Л., 1982. Т. 1. С. 26-27.

¹⁵ Суханов. Записки. Т. 2. С. 21-22.

В «Апрельских тезисах» Ленин требовал «всей власти Советам», однако в то же время он был вынужден признать, что «в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия [партия большевиков. – Л.Л.] в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве». На первом Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 года подавляющее большинство принадлежало умеренным социалистам. Из 822 делегатов 285 были из фракции эсеров и 248 – меньшевиков. Большевики имели лишь 105 мандатов. Соотношение сил на первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае 1917 года было еще более невыгодным для большевиков: из 1115 делегатов большевиков представляли лишь 14, в то время как эсеров – 573¹⁶. Казалось, что умеренные социалисты по крайней мере до середины 1917 года контролировали развитие страны.

Радикализация масс

Как справедливо отмечал Ленин в «Апрельских тезисах», после Февральской революции Россия стала самой свободной страной в мире из всех воюющих стран. Если иметь в виду, что перед свержением самодержавия страна управлялась строгой рукой, становится понятным значение Февраля 1917 года. В стране веял свежий ветер свободы. «Свободы» в западном смысле – имеющей определенные границы и уважающей права других людей. Но был и дух русской «воли» – анархии, разгульной и безграничной. Насколько широко этот дух распространился по стране после краха царской власти и власти разного рода «начальства»? Среди наблюдателей нет единства в ответе на этот вопрос. Однако ясно одно: к голосу «разумных» социалистов, призывавших население к умеренным и ответственным действиям, прислушивались все меньше и меньше. Почему до созыва Учредительного собрания крестьяне должны были ждать с разделом помещичьей земли, а рабочие – с установлением рабочего контроля на производстве, если их «классовые враги» безоружны и слабы как никогда ранее? Статистика крестьянских волнений показывает, что их число в марте – июле 1917 года неудержимо росло:

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
16	193	253	562	1100

Показателен также и тот факт, что форма аграрных беспорядков со временем радикально менялась. Если в марте в основном жгли помещичьи усадьбы, то в дальнейшем эта форма насилия сокращалась. Все чаще самочинно захватывалась земельная собственность помещиков, а их самих изгоняли. Это видно на

¹⁶ Наше Отечество. Т. 1. С. 363; Hildermeier Manfred. Die Russische Revolution. Frankfurt am Main, 1989. P. 174, 201.

следующей таблице, показывающей число зарегистрированных в сельской местности правонарушений¹⁷:

1917 г.	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
Разрушения	51,3 %	8 %	6,7 %	3,6 %	4,3 %
Захват земли	2,6 %	24,9 %	34,3 %	37 %	34,5 %

Вместо того, чтобы ждать обещанную сверху аграрную реформу, крестьяне на практике начали осуществление своей давней мечты о «черном переделе» земли, то есть полном захвате помещичьих владений.

Настроения рабочих также становились все радикальнее. Впереди здесь шли фабричные и заводские комитеты (фабзавкомы), которые при решении спорных вопросов с хозяевами и руководителями предприятий были особенно воинственными. Они боролись не только за повышение зарплаты и улучшение условий жизни и труда, но и пытались установить контроль над предприятиями. На многих из них, особенно на государственных военных заводах, им на время удалось достичь этой цели. Фабзавкомы Петрограда были среди тех организаций страны, куда раньше всего сумели проникнуть большевики. На первой конференции фабзавкомов, состоявшейся в конце мая 1917 года, на большевистских позициях стояли 2/3 делегатов этих комитетов¹⁸.

Не только рабочие и крестьяне, но и солдаты становились все более нетерпеливыми. Об их настроениях Керенский писал: «После трех лет суровых испытаний миллионы уставших от войны солдат спрашивают: почему я должен умереть именно теперь, когда на родине начинается новая, свободная жизнь?»¹⁹. То, что русские солдаты были больше не готовы защищать от внешних врагов плоды вновь завоеванной свободы, стало для представителей национально ориентированных либеральных кругов полной неожиданностью. Они были убеждены в том, что отношение населения к войне после свержения непопулярной романовской династии в корне изменится. Они ждали взрыва революционного воодушевления в стране, сравнимого с тем, что был в революционной Франции после начала войны с коалицией «старого порядка». Но ничего подобного не произошло. Февральская революция не смогла заполнить мировоззренческий вакуум, образовавшийся в сознании «низов» вследствие эрозии веры в царя, которая наблюдалась уже с конца XIX века. В связи с этим следует добавить следующее: отказ русских «низов» от царистского идеала никоим образом не привел к тому, что они полностью изменили свои традиционные представления о стиле политического руководства. По этой традиции

¹⁷ Altrichter. Russland. P. 347; Keep J.L.H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization, N.Y., 1976. P. 200-206.

¹⁸ Pipes R. Die Russische Revolution. Berlin, 1992. T. 2. С. 128-129; Keep. The Russian Revolution. P. 82-84.

¹⁹ Pipes. Die Russische Revolution. P. 136.

государственная власть должна быть сильной, независимой и неделимой. Двоевластие, установившееся вследствие Февральской революции, не обладало ни одним из этих качеств. Поэтому в народе считали, что новое государство не настоящее, а какое-то временное. Это настроение отразилось в некоторых высказываниях русских крестьян, приводимых в воспоминаниях Милюкова. Так, крестьяне, например, уклонялись от уплаты налогов, аргументируя это тем, что они не знают, кому теперь надо платить. Не было ни настоящего правительства, ни настоящих законов. И меньше всего крестьяне и их сыновья были готовы отдавать свои жизни за ту власть, которая в их глазах ничего собой не представляла. Совет, который выражал интересы этих людей, должен был учитывать их стремление к миру. 14 марта 1917 года Петросовет направил воззвание «Народам всего мира», в котором говорилось: «В сознании своей революционной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватнической политике своих господствующих классов и призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»²⁰.

Западные союзники, начавшие сомневаться в том, что Россия имеет волю продолжать сопротивление, требовали от Временного правительства, прежде всего от его министра иностранных дел Милюкова, однозначного заявления о войне. Когда Милюков пытался объяснить французскому послу Морису Палеологу сложное положение Временного правительства, зависящего от благосклонности Советов, он не встретил понимания со стороны французского дипломата. Французское правительство не было готово терпеть какой-либо двусмысленности в вопросе о продолжении войны Россией²¹. И британский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен был возмущен тем, что Временное правительство не выступает решительно против распространения пацифистских настроений в России. Однако не давление союзников было самой важной причиной появления 27 марта ноты Милюкова, в которой речь шла о намерении России продолжать войну до победного конца²². Милюков действовал и по внутреннему убеждению. Продолжение войны на стороне Антанты он, как и национально мыслящие либеральные круги России, считал делом чести нации. Для него вообще, ни по каким причинам, не мог встать вопрос о том, бросать ли союзников в беде. Однако революция постепенно формировала новый кодекс чести, в котором понятия о национальном достоинстве считались устаревшими. Лишь радикальная переоценка ценностей, новый революционный кодекс чести сделали возможным ту ситуацию, в которой политик, доказательно обвиненный в сотрудничестве с врагом, не только не понес в этой связи почти никакого урона, но в итоге стал и единоличным правителем страны.

²⁰ Суханов. Записки. Т. 1. С. 268.

²¹ Милюков П. Воспоминания (1859-1917). Нью Йорк, 1955. Т. 2. С. 347-349.

²² Altrichter. Russland. P. 152-155.

Сотрудничество Ленина с немцами

Факт сотрудничества Ленина с германскими властями и верховным командованием кайзеровских сухопутных сил (ОХЛ) всегда ставил советских историков в весьма щекотливое положение. Даже в ранее упомянутом нами изданном в 1991 году обстоятельном труде *Наше отечество*, в создании которого участвовала элита советской исторической науки, тезис о сотрудничестве Ленина и большевиков с немцами представляется как сомнительный и не вполне доказанный. При этом авторы самокритично признавали, что этот вопрос еще не изучен в советской историографии²³.

После распада СССР сомнения многих российских авторов рассеялись. Наряду с немецкими источниками, историками были дополнительно проанализированы разные документы из российских архивов, которые предоставляли доказательства сотрудничества большевиков с внешнеполитическими и военными противниками России. На этом основании биограф Ленина Дмитрий Волкогонов говорит о беспрецедентной государственной измене Ленина и называет его «историческим преступником»²⁴.

Особенно много разговоров, как известно, возникло вокруг начала сотрудничества Ленина с германскими властями – его поездки из швейцарской эмиграции в Россию через Германию. Но и до этого случая были эпизодические контакты между большевиками и немцами. Посредником между сторонами был в первую очередь русско-германский социал-демократ Александр Парвус (Гельфанд). Парвус, одна из самых спорных фигур русского и немецкого рабочего движения, в марте 1915 года был даже назначен советником германского правительства по вопросам русской революции.

Когда весть о свержении царя достигла Швейцарии, Ленин изъявил желание немедленно вернуться на Родину. Но выполнить это намерение было не так-то просто. Правительства стран Антанты и Временное правительство стремились не допустить возвращения Ленина в Россию: они понимали, какую опасность может иметь ленинская пораженческая и революционная пропаганда для боеготовности России. 17 марта 1917 года Ленин писал своему товарищу по партии Ганецкому: «Вы можете себе представить, какая пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»²⁵.

Троцкий в *Истории русской революции* отмечал, что Ленин неистово стремился выбраться из своей швейцарской клетки²⁶. Так что Ленин, в конце концов, решил прямо договориться с немцами о проезде через германскую терри-

²³ Наше Отечество. Т. 1. С. 359-360.

²⁴ Волкогонов Д. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в 2-х книгах. Книга 1: Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Никита Хрущев. М., 1995. С. 58; см. также: Kerenski. Erinnerungen. P. 292-301.

²⁵ Ленин. ПСС. Т. 49. С. 419.

²⁶ Trotzki. Geschichte der russischen Revolution. P. 235.

торию. Этого ждали в Берлине. Германское правительство и ОХЛ дали свое согласие. 23 марта 1917 года младший государственный статс-секретарь Министерства иностранных дел Циммерман телеграфировал представителю Министерства иностранных дел в ОХЛ Лерснеру: «Так как мы заинтересованы в росте влияния радикального крыла русских революционеров, мне представляется возможным разрешить их проезд через Германию. Я бы ходатайствовал об исполнении этого». Лерснер ответил: «ОХЛ телеграфирует: Против проезда русских революционеров возражений нет»²⁷.

27 марта 1917 года поезд с Лениным и его приближенными отправился в путь из Берна. «Даже среди военных грузов это был груз особой взрывной силы», – писал позже Троцкий²⁸. Ленин без всяких колебаний принял предложение немцев о сотрудничестве. Но обвинения, предъявленные ему политическими противниками в том, что он немецкий агент, были в высшей степени наивными. Ленин не был ничьим агентом. Он работал только на себя и для достижения своей цели – мировой пролетарской революции. Он хотел разрушить господствующий строй как в России, так и в Германии. Но неуверенное в себе и слабое послереволюционное правительство России свалить было намного легче, чем германский военный режим. Верный своему девизу «разорвать цепь империализма в ее самом слабом звене», Ленин хотел сосредоточить все свои усилия на России.

Троцкий так резюмировал суть соглашения между Лениным и Людендорфом, самым влиятельным человеком в ОХЛ, а значит и в Германской империи: «Людендорф надеялся, что революция в России деморализует царскую армию... Со стороны Людендорфа это была авантюра, вызванная тяжелым военным положением Германии. Ленин использовал расчет Людендорфа, но при этом он имел и свой расчет. Людендорф сказал себе: Ленин свергнет патриотов, а потом приду я и задую его и его друзей. Ленин сказал себе: я поеду в его железнодорожном вагоне... и по-своему отплачу ему за эту службу»²⁹.

Поездка Ленина через Германию была лишь началом сотрудничества большевиков с германским руководством. Последнее, после свержения царя, стремилось заключить сепаратный мир с Временным правительством, а также пыталось установить контакты с антивоенно настроенными членами Петросовета. Но все эти попытки провалились. Временное правительство хотело продолжать войну, и поэтому немцы решили его устранить. В этом решении они были едины с Лениным. Широкая антивоенная пропаганда, которую Ленин вел после возвращения в Россию, была бы невозможна без немецких денег. Многие документы однозначно указывают на то, что сотрудничество Ленина с германским правительством было до Октябрьской революции очень интенсивным. Так, германский посол в Берне Ромберг в письме канцлеру Бетман-Голь-

²⁷ Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Russland: Die deutschen Akten. Leiden, 1957. P. 65-66.

²⁸ Trotzki. Geschichte der russischen Revolution. P. 237.

²⁹ Trotzki L. Mein Leben. Berlin, 1961. P. 287.

веду 30 апреля 1917 года сообщал о своем разговоре с ближайшим соратником Ленина швейцарским социал-демократом Фрицем Платтенем: «Господин Платтен, (...) сопровождавший Ленина в его поездке через Германию, сегодня посетил меня, чтобы от имени русских поблагодарить за оказанное содействие. Путешествие прошло превосходно... Ленину был его сторонниками оказан блестящий прием. Можно сказать, что за него $\frac{3}{4}$ рабочих Санкт-Петербурга... Из замечаний Платтена следовало, что эмигрантам очень не хватает средств на пропаганду, в то время как их противники, естественно, располагают неограниченными средствами»³⁰.

Чтобы по крайней мере частично устранить этот дисбаланс, германское руководство нашло множество каналов финансирования большевиков. Этот факт полностью доказывается многими немецкими и русскими документами³¹.

Большевикам было ясно, что дальнейшая судьба революции зависит от позиции армии. Они также знали, каким лозунгом можно было привлечь уставшие от войны солдатские массы. Это был призыв к «немедленному окончанию разбойничьей империалистической войны». Аргумент умеренных руководителей Советов, считавших, что Февральскую революцию нужно защищать от внешних врагов, вызывал возмущение Ленина. В «Апрельских тезисах» он объявлял недопустимыми малейшие уступки «революционному оборончеству». Даже учитывая широко распространившуюся в России жажду мира, Ленин с его открыто пораженческим курсом зашел, как тогда казалось, слишком далеко. Поэтому Миллюков и заверял британского посла Бьюкенена, что Ленина в народе презирают, что солдаты ждут первого же сигнала правительства, чтобы схватить вождя большевиков³².

На самом же деле не Ленину, а Миллюкову пришлось уступить взрыву народного гнева. Заявление Миллюкова от 27 марта 1917 года о войне до победного конца 20 апреля стало известно общественности и вызвало возмущение левых. 20 и 21 апреля в Петрограде прошли антиправительственные демонстрации. Но и сторонники правительства осмелились в те дни выйти на улицы. В результате уличных столкновений погибли три человека. Правительство непременно нуждалось в поддержке руководства Советов, чтобы успокоить страсти. Но за эту поддержку ему пришлось заплатить очень высокую цену. Политики, которые однозначно выступали за продолжение войны – Миллюков и во-

³⁰ Hahlweg. *Lenins Rückkehr nach Russland*. P. 115.

³¹ Zeman Z. *Germany and the Revolution in Russia 1915-1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry*. L. 1958; Zeman Z., Scharlau W. *Freibeuter der Revolution: Parvus-Helphand. Eine politische Biographie*. Köln, 1964; Pipes. *Die Russische Revolution*; Wolkogonow D. *Lenin*. Düsseldorf, 1994. P. 110-129; Heresch E. *Geheimakte Parvus: Die gekaufte Revolution. Biographie*. München, 2000; Chavkin B. *Alexander Parvus – Financier der Weltrevolution // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2007. Vol. 11. № 2. P. 31-57.

³² Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923. Vol. 2. P. 119.

енный министр Гучков – должны были покинуть кабинет³³. Так были созданы предпосылки для создания коалиционного правительства представителей «буржуазного» лагеря с одной стороны и Советов с другой. 1 мая 1917 года большинство членов руководящего органа Петросовета – Центрального исполнительного комитета (ЦИК) – высказалось (44 голоса – за, 19 – против, 2 – воздержались) за вхождение своих членов во Временное правительство³⁴.

Первое коалиционное правительство: конец двоевластия?

Некоторые авторы считают, что с созданием коалиционного «буржуазно-социалистического» правительства, когда Петросовет из органа революционного контроля превратился в часть правящей системы, завершился период двоевластия, существовавшего с февраля 1917 года. «Низы», становившиеся все радикальнее, уже не видели в центральных советских учреждениях своих представителей. Стиль работы Советов также изменился. Их заседания проходили не столь беспорядочно, как в первые дни революции. Но, выиграв в эффективности, центральные органы Советов проиграли в популярности. Уже упомянутый русский философ Федор Степун писал: «Душою революции был хаос, от того и авторитетом для революционных масс мог быть только хаотический Совет. Подтверждением этого предположения служит то, что по мере организации Совета, массы начали заметно отходить от него. В момент, когда Исполнительный комитет обрел власть над самим собою и Советом, он потерял всякую власть над массами»³⁵. Наблюдение Степуна подтверждают многие историки.

Тем не менее было бы неверно рассматривать образование коалиционного «буржуазно-социалистического» правительства как знак окончания двоевластия. Министры-социалисты Временного правительства продолжали ощущать себя связанными обязательствами по отношению к рабочим и крестьянам и считать себя представителями солидарного социалистического сообщества, включавшего также и большевиков. Это обстоятельство имело решающее значение для дальнейшей судьбы Февральской революции.

Несмотря на то, что сторонники Ленина клеймили умеренных социалистов как «приспешников буржуазии» и «предателей трудящихся», большевики зывали к социалистическому сознанию и чувству солидарности министров-социалистов, когда Временное правительство пыталось более решительно выступить против их антиправительственных акций. Когда буржуазная пресса обвинила Ленина, вскоре после его проезда через Германию, в сотрудничестве с немцами, что соответствовало фактам, Ленин появился в Совете и попросил

³³ Милуков. Воспоминания. С. 336-371; Altrichter. Russland. P. 152-160; Pipes. Die Russische Revolution. P. 113-125; Kerenski. Erinnerungen. P. 190-193.

³⁴ Pipes. Die Russische Revolution. P. 122; Altrichter. Russland. P. 158-159.

³⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Л., 1990. Т. 2. С. 48.

о помощи. Социалисты – противники Ленина были готовы положительно отнестись к этой просьбе. ЦИК Советов взял Ленина под защиту. Суханов, принадлежавший тогда к ведущим критикам большевиков внутри Совета, в своих воспоминаниях отмечал, что этот шаг был само собой разумеющимся: долгом социалиста было защитить Ленина от «дикой травли буржуазии»³⁶.

К немногим сторонникам жесткой линии в отношении большевиков принадлежал меньшевик Ираклий Церетели. Когда 9 июня руководство Совета узнало, что большевики без консультации с большинством Совета планируют на следующий день крупную антиправительственную демонстрацию, Церетели потребовал разоружения большевиков. «То, чем теперь занимаются большевики – это не распространение идей, а конспирация. Вместо оружия критики – критика с оружием в руках. Пусть большевики нас простят, но с этого момента мы будем применять другие методы борьбы. Революционеры, недостойные носить оружие, должны его сдать. Большевиков следует разоружить».

По мнению Церетели, самая большая опасность для русской революции исходила не справа, как считали многие представители большинства в Совете, а слева: «Контрреволюция может проникнуть только через одни двери – через большевиков»³⁷.

Эти слова были для умеренных социалистов святотатством. Они рассматривали большевиков как неотъемлемую составную часть «революционно-демократического фронта». Поэтому разоружение большевиков казалось им ослаблением своего собственного лагеря, изменой делу революции. Ю.О. Мартов, один из вождей меньшевиков, сказал, что в том случае, если руководители Советов применят против большевиков силу, они, по примеру генерала Кавеньяка, превратятся в «преторианцев» буржуазии³⁸. (В 1848 году Кавеньяк был военным министром революционного правительства Франции и в июне 1848 года жестоко подавил восстание парижских рабочих).

Церетели беспощадно критиковал эту позицию Мартова и других левых социалистов. В своих воспоминаниях он писал, что небольшевистское большинство Совета не желало власти, чтобы не быть вынужденным не на словах, а на деле применять ее против большевиков. Небольшевистские левые считали аксиомой, что «революция не знает врагов слева». Призрак генерала Кавеньяка удерживал социалистов – противников большевиков от энергичной борьбы против левого экстремизма, ставшего главной угрозой для Февральской революции³⁹. Тезисы Церетели все же требуют некоторого уточнения. В течение

³⁶ Suchanov N. 1917: Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967. P. 308.

³⁷ Pipes. Die Russische Revolution. P. 141.

³⁸ Церетели. Воспоминания. С. 214.

³⁹ Там же. С. 214, 409-412; Таким образом демократически настроенные русские социалисты стали жертвами «кумира революции», о котором русский философ Семен Франк писал следующее: «Не только критика социализма и радикализма была (в России) неслыханной ересью ... – но даже открытое исповедание политической умеренности требовало такого гражданского мужества, которое мало у кого находилось. Ибо не только "консерватор", "правый"

1917 года были ситуации, когда русская демократия пыталась противостоять вызову левого экстремизма, и не без успеха. Так было прежде всего во время попытки леворадикального путча 3-5 июля 1917 года.

«Июльские дни»: поражение большевиков

События 3-5 июля 1917 года были вызваны активизацией боевых действий на русско-австрийском фронте в Галиции, где 16 июня русская армия начала крупное наступление, которое прежде всего служило достижению не военных, а внутривнутриполитических целей. Керенский, ставший в мае 1917 года военным министром и центральной фигурой Временного правительства, пытался с помощью наступления на фронте вызвать патриотические настроения в стране, чтобы таким образом придать правительству дополнительную легитимацию. За несколько недель до начала наступления Керенский отправился на фронт и пламенными речами пытался поднять боевой дух уставших от войны солдат и призвать их к защите революционного отечества. Так как старые командные структуры армии разваливались, у правительства было мало способов воздействовать на армию. Оно пыталось теперь убедить солдат с помощью аргументов, уговорить их. Поэтому Керенский и получил среди офицеров прозвище «главноуговаривающий».

Керенский, используя все свое красноречие, пытался воодушевить солдат, но этого воодушевления хватило не надолго. Наступление на австрийском фронте после первых успехов захлебнулось. В начале июля развернулось германско-австрийское контрнаступление, закончившееся разгромом русских войск. Русские «крестьяне в солдатских шинелях», которые в основном так и не смогли понять, ради чего они воюют, не хотели больше сражаться и в массовом порядке покидали фронт. Об этом Керенский позже писал: «Разъяренные толпы вооруженных людей бросились с фронта в глубокий тыл, сметая на своем пути всякую государственность и всякую культуру»⁴⁰.

После начала масштабного наступления правительство намеревалось отправить на фронт некоторые полки Петроградского гарнизона. Это прежде всего должен был быть Первый пулеметный полк, который из-за своей радикальной пробольшевистской позиции все время доставлял проблемы правительству.

было бранным словом; таким же бранным словом было и "умеренный" ... "умеренный" – это был обыватель, робкий, лишенный героизма, из трусости или нерешительности желавший примирить непримиримое ... Сами "умеренные" не имели в этом отношении чистой совести; чувствовали себя не совсем свободными от этих пороков; в огромном большинстве случаев они смотрели на революционеров, как церковно-настроенные миряне смотрят на святых и подвижников – именно как на недостижимые образцы совершенства. Ибо чем левее, тем лучше, выше, святее» (Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 15-16).

⁴⁰ Волкогонов Д. Ленин: политический портрет в двух книгах. Книга 1. М., 1994. С. 257.

Когда новость об отправке на фронт достигла соответствующих воинских частей, солдаты отреагировали на нее с беспрецедентным возмущением, которое дополнительно подогревалось большевистскими пропагандистами. Так, 3 июля 1917 года начались антиправительственные демонстрации вооруженных солдат, которых поддержали радикально настроенные рабочие Петрограда. Это был опаснейший вызов, брошенный молодой демократии за все время ее существования. Тот факт, что она с этим вызовом первоначально справилась, показывает, что тогда в России имелись зачатки «защищающей себя демократии».

В событиях 3-5 июля особенно четко отразился вышеназванный «парадокс» Февральской революции. Взбунтовавшиеся солдаты и рабочие, которые через день после начала восстания почти полностью контролировали столицу, выступали под лозунгом «Вся власть Советам!». Они шли к Таврическому дворцу – резиденции как Петроградского, так и Всероссийского Совета, – чтобы заставить руководителей Советов взять всю власть в стране в свои руки. Умеренные социалисты, которые тогда доминировали в Советах, отклонили это требование. Их позиция не изменилась с начала Февральской революции. Они не были готовы взять на себя всю ответственность за судьбы воюющей и мятежной страны и считали свой союз с буржуазными демократами необходимым и обязательным.

Поведение большевиков во время июльских событий было двойственным. Они выступили и как ведущие, и как ведомые, приспособляющиеся к настроениям взбунтовавшейся радикальной массы. Большевики тогда еще не отваживались требовать полноты власти для одной своей партии и выступили вместе с восставшими солдатами и рабочими под лозунгом «Вся власть Советам!». Хотя Ленин, за несколько недель до этого выступая на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, объявил, что большевистская партия в любой момент готова взять в свои руки всю власть в России, это заявление лишь вызвало смех большинства депутатов⁴¹.

Но и Ленин во время событий 3-5 июля испугался собственной отваги. Он объявил, что цель восстания против Временного правительства – «передача всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов», то есть тому учреждению, которое ни в коем случае не хотело брать эту власть. Противоречия и колебания большевиков обеспечили правительству и демократически настроенному большинству Советов определенную паузу, дали перевести дыхание. Эта пауза была использована для мобилизации верных правительству сил. Уже при первом их появлении повстанцы были обращены в бегство. Июльские события показали, что молодая русская демократия была в состоянии защитить себя от радикальных противников, и что ее решительные действия против экстремистов действовали на них парализующе. В этой связи Церетели сообщает о сво-

⁴¹ Волкогонов. Ленин. Т. 1. С. 258; Геллер, Некрич. Утопия у власти. Т. 1. С. 29.

ем разговоре со Сталиным, который предупреждал правительство от занятия штаба большевиков, так как это могло бы привести к кровопролитию. Церетели ответил, что кровопролития не будет. «Итак, правительство не будет занимать штаб большевиков?», – радостно отреагировал Сталин. «Нет, оно займет его, но кровопролития все равно не будет», – ответил Церетели. И в самом деле, большевики не оказали никакого сопротивления захватившим их штаб правительственным войскам. Лидеры повстанцев были арестованы, среди них – многие большевики. Пробольшевистски настроенные воинские части были разоружены⁴². Чтобы избежать ареста, Ленин тайно покинул столицу и прятался на финской территории до момента захвата власти в октябре 1917 года. Дискредитации большевиков дополнительно способствовал тот факт, что правительство сделало доступными общественности некоторые документы об их сотрудничестве с немцами. Ленину угрожал суд: его обвиняли в государственной измене.

Почему же, несмотря на сокрушительный удар, полученный в июле 1917 года, большевикам примерно через четыре месяца удалось захватить власть? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала следует рассмотреть позицию, занимаемую небольшевистскими левыми силами после июльских событий 1917 года. То обстоятельство, что большевики во время июльских событий пытались свергнуть существовавший порядок, не привело к их исключению из лагеря так называемой «революционной демократии». Социалистические противники большевиков и в дальнейшем рассматривали их в качестве неотъемлемой составной части солидарного социалистического сообщества. Не в последнюю очередь именно поэтому представители большинства в Советах отказывались от слишком жесткого обращения с большевиками. Так как Временное правительство и в дальнейшем нуждалось в поддержке Советов, его буржуазные министры были вынуждены учитывать соображения социалистов – своих партнеров по коалиции. ЦИК Советов непрерывно клеймил позором кампанию травли, развязанную буржуазной прессой против большевиков, и выступал против утверждений об их сотрудничестве с немцами.

Многие арестованные большевики уже через несколько недель были освобождены. Несмотря на их участие в попытке путча в июле 1917 года, они не были обвинены в антигосударственной деятельности. Относительную терпимость демократического государства по отношению к его радикальным врагам большевики воспринимали как проявление его слабости. Позже Ленин сказал, что в июле 1917 года большевики сделали ряд ошибок. Их противники вполне могли бы использовать эти ошибки в своей борьбе, но они «тогда не имели для этого ни последовательности, ни решительности»⁴³.

⁴² Наше Отечество. Т. 1. С. 367; Pipes. Die Russische Revolution. P. 170; Hildermeier. Die Russische Revolution. P. 178-179; Altrichter. Russland. P. 191.

⁴³ Pipes. Die Russische Revolution. P. 177.

Судьба большевиков после их неудачной попытки в июле 1917 года совершить государственный переворот поразительным образом напоминает судьбу Адольфа Гитлера после провала Мюнхенского путча в ноябре 1923 года. Вожди национал-социалистов также были удивлены мягкостью, проявленной к ним со стороны победителей. Большевики, так же как и национал-социалисты, использовали в своих интересах то обстоятельство, что политические силы, определявшие политическую жизнь как в революционной России 1917 года, так и в Веймарской республике, считали их заблуждающимися братьями и идейными товарищами. В то время как умеренные социалисты рассматривали большевиков в качестве своеобразного резерва революционного фронта, национал-социалисты и их боевые отряды были для немецких консерваторов, контролировавших многие ключевые позиции в Веймарской республике, своего рода резервом национального фронта, дополнением к сотысячной армии, иметь которую побежденной Германии было разрешено Версальским договором.

Кроме того, Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) пошел на пользу преувеличенный страх, испытываемый немецкими консерваторами перед коммунистической революцией. Здесь также прослеживается поразительная параллель с развитием России в 1917 году. Так же как русские меньшевики и эсеры видели в большевиках своих союзников против так называемой «контрреволюции», веймарские консерваторы рассматривали национал-социалистов как возможных партнеров в борьбе против коммунистов. То, что коммунисты были не в состоянии нанести серьезный урон существовавшему в Германии порядку, показал послевоенный кризис 1918-1923 годов. Коммунистическая угроза свелась тогда к нескольким плохо подготовленным попыткам восстания, которые потерпели полную неудачу (январь 1919 года, март 1921 года, октябрь 1923 года).

А как обстояли дела в революционной России 1917 года с так называемой контрреволюционной «правой опасностью»? Действительно ли для ее преодоления требовалась мобилизация всех левых сил, даже таких агрессивных антидемократов, как большевики? Каким на самом деле было соотношение сил, можно проследить на примере так называемого «дела генерала Корнилова».

Корниловский мятеж: крушение «правых»

Генерал Лавр Корнилов, один из популярнейших и энергичнейших военачальников России, в июле 1917 года был назначен Керенским Верховным главнокомандующим русской армии. 9 июля Керенский, наряду с должностями военного и военно-морского министра, возложил на себя и обязанности премьер-министра, сменив на этом посту ушедшего в отставку князя Г. Львова. В результате такой концентрации сил Временное правительство все больше превраща-

лось в правительство одного человека и приобретало некоторые авторитарные черты. При этом многие умеренные социалисты были готовы согласиться с таким положением дел. В образованное Керенским коалиционное правительство, в котором он доминировал, 21 июля вошли восемь социалистов. Федор Дан, один из самых влиятельных руководителей меньшевиков, сказал: «Мы не должны закрывать глаза на то, что Россия стоит на пороге военной диктатуры. Наш долг вырвать оружие из ее рук... Временное правительство ... должно получить от нас чрезвычайные полномочия, чтобы оно могло искоренить как левую анархию, так и правую контрреволюцию... Спасение России – лишь в единстве действий революционной демократии и правительства»⁴⁴.

В отличие от умеренных социалистов, буржуазные защитники принципов «законности и порядка» связывали свои надежды не с Керенским, а с генералом Корниловым. Последний хотел вновь подчинить армию железной дисциплине, прекратить вмешательство Советов в военные дела и возобновить смертную казнь, причем не только на фронте, но и в тылу. Для Керенского, связанного необходимостью опираться на поддержку Советов, эти требования Корнилова, открыто отклоненные Советом 18 августа, были неприемлемы.

Растущая популярность Корнилова в буржуазных кругах стала для Керенского источником раздражения. Так, Корнилов в середине августа стал по существу героем созванного в Москве Государственного совещания, в котором участвовали более двух тысяч представителей политической, экономической и культурной элиты России. Государственное совещание было созвано правительством за неимением лучшего выхода, так как последнее было не в состоянии быстро организовать выборы в Учредительное собрание, уже обещанные в начале марта 1917 года. Дата выборов снова и снова переносилась; в итоге выборы были назначены на 12 ноября 1917 года. Однако это означало, что Временное правительство на оставшийся до созыва Учредительного собрания срок не имело достаточной демократической легитимности. «Запоздание с созывом Учредительного собрания» Церетели считал одной из самых больших ошибок Февральской революции⁴⁵.

Созванное Керенским московское Государственное совещание должно было стать своего рода временной заменой Учредительного собрания. Однако Государственное совещание не было достаточно представительным, кроме того его работа ясно продемонстрировала, что Временное правительство, а значит и Керенский, уже утратили поддержку значительной части состоятельных и привилегированных слоев общества.

Корнилов, новая надежда буржуазных группировок, исходил из того, что Керенский согласится с его программой наведения порядка в стране и установления строгой дисциплины в армии. Однако Керенский чувствовал себя

⁴⁴ Suchanov. 1917 P. 481.

⁴⁵ Церетели. Воспоминания. С. 403.

связанным не только принципом «закона и порядка», но и революционными установками. Реставрация дореволюционных механизмов власти в прежних формах была для него немислима. Так как Керенский и Корнилов говорили на разных политических языках, между ними постоянно возникали недоразумения и взаимные подозрения. 27 августа 1917 года Керенский, вероятно безосновательно, обвинил Корнилова в мятеже и снял его с должности Верховного главнокомандующего. Корнилов отказался подчиниться этому решению, так как считал, что премьер-министр более не владеет ситуацией и действует под влиянием радикальных сил Советов. В *Манифесте к русскому народу* Корнилов заявил: «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба. Тяжелое сознание неминуемой гибели повелевает мне призвать всех русских людей к спасению умирающей родины... Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь привести народ – путем победы над врагами – до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни»⁴⁶.

3-й конный корпус, две казачьих и одна кавказская дивизия под командованием генерала А. Крымова уже двигались на Петроград. Катастрофа, которую с момента свержения царя предрекали русские социалисты, казалось, наступила. «Контрреволюция» подняла голову и угрожала занять революционную столицу.

27 августа 1917 года ЦИК Советов создал чрезвычайный орган – «Комитет борьбы с контрреволюцией». В него вошли члены всех партий, представленных в Совете, в том числе и большевики. Вместо того, чтобы вести борьбу на два фронта – и против правых, и против левых экстремистов, – русские демократы прекратили военные действия на одном из них и попросили крайних противников демократии о помощи. Правительство раздало сорок тысяч винтовок рабочим, среди которых преобладали сторонники большевиков⁴⁷. Мнимая контрреволюционная опасность в итоге обернулась фарсом. Войска 3-го конного корпуса «растаяли» по дороге или же начали брататься с петроградскими рабочими, выступившими им на встречу. Генерал Крымов, которого Керенский хотел отдать под трибунал, застрелился⁴⁸.

Таков был итог «Корниловского мятежа», который никогда не являлся угрозой для русской демократии. Провал путча однозначно подтвердил тезис, что армия больше не годится для борьбы против собственного народа. Так что

⁴⁶ Волкогонов. Ленин. Т. 1. С. 243.

⁴⁷ Мельгунов С. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года. Л., 1983. С. 13.

⁴⁸ Pipes. Die Russische Revolution. P. 217.

русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно отразить опасность справа. Однако страх умеренных социалистов перед контрреволюцией был так велик, что они совершенно недооценивали свои силы и переоценивали силы противника. Не в последнюю очередь поэтому они и вернули оружие большевикам, разоруженным после провала июльского путча. Это, вероятно, было самое значительное и роковое последствие «Корниловского мятежа»⁴⁹.

Октябрьский путч 1917 года, или Искусство восстания

После «Корниловского мятежа» Временное правительство и связанные с ним умеренные социалисты почти полностью утратили политическую инициативу. Они, будто парализованные, наблюдали за решительными и целеустремленными действиями большевиков, которые мастерски показали, как следует использовать демократические свободы для устранения демократии. Большевицкая партия получила возможность диктовать правила игры. Британский посол в Петербурге Бьюкенен в сентябре 1917 года писал: «Одни лишь большевики, составляющее компактное меньшинство, имели определенную политическую программу. Они деятельны и организованы лучше других групп... Если правительство не окажется достаточно сильным, чтобы подавить большевиков силой, остается только одна возможность – приход большевиков к власти»⁵⁰.

Большевики выигрывали от того, что Временное правительство не имело мужества быстро разрешить такие срочные политические, экономические и социальные вопросы, как окончание войны, аграрная реформа, рабочий контроль, право национальных меньшинств на самоопределение и многие другие. С решением всех этих вопросов правительство намеревалось подождать до созыва Учредительного собрания, а социальные «низы» России становились тем временем все нетерпеливее и радикальнее.

Многие политические мыслители, к примеру, Жозеф де Местр (1753-1821), отмечали, что большие революции неизбежным образом радикализируются. Милюков писал об этом: «У масс существует инстинктивное опасение, что революция окончится слишком рано. У них есть чувство, что революция закончится поражением, если победа достанется одним лишь умеренным элементам. Какими бы ни были имена политиков, или программы политических партий, находящиеся в состоянии революции массы избирали из них лишь тех, что выступали с экстремистскими лозунгами. Напротив, такие группы, кото-

⁴⁹ См. Мельгунов. Как большевики захватили власть. С. 12-14; Kerenski. Erinnerungen. P. 370-392.

⁵⁰ Buchanan. My Mission to Russia Vol. 2. P. 188-189.

рые пытались направить революцию в умеренное русло ... обвинялись в контрреволюционных устремлениях и отбрасывались в сторону устремляющимся вперед революционным движением»⁵¹.

Так что процесс радикализации и углубления русской революции наверняка состоялся бы и без содействия большевиков. Однако большевики были единственной значительной политической силой России, которую этот процесс радикализации не беспокоил, которая даже пыталась подстегнуть его. Степун писал: «Быть может Ленин был на Съезде [Советов] единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Эту открытость души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс»⁵².

Растущая популярность большевиков проявилась уже накануне «Корниловского мятежа». На выборах в городскую думу Петрограда 20 августа 1917 года число поданных за них голосов возросло с 20,4% (май 1917 года) до 33,3%. После мятежа процесс «большевизации масс» ускорился. На московских коммунальных выборах в сентябре 1917 г. число полученных большевиками мест увеличилось с 11,5% (июнь) до 50,9%. Драматические потери на этих выборах понесли умеренные социалисты. Так, число мест, полученных эсерами, сократилось с 56,2% до 14,4%, а меньшевиков – с 12,6% до 4,1%⁵³.

И в Советах политических центров страны, Петрограда и Москвы, большевики шли от успеха к успеху. Так, 1 сентября 1917 года в Петросовете большинство голосов получила большевистская резолюция, требовавшая, среди прочего, ликвидировать частную собственность, опубликовать все секретные договоры с западными державами и немедленно созвать Учредительное собрание. В Московском Совете с сентября 1917 года большевики также выигрывали все больше голосований⁵⁴.

25 сентября Троцкий, лишь в июле вступивший в партию большевиков, был избран председателем Петросовета. С момента раскола русской социал-демократии в 1903 года он принадлежал к самым острым критикам большевиков. Троцкий разоблачал олигархическую структуру ленинской партии, в которой меньшинство – Центральный Комитет – почти диктаторски пыталось управлять большинством. Для Ленина же была неприемлема революционная теория Троцкого, в которой недооценивалась роль русского крестьянства. Но в 1917 году оба политика прекратили свой многолетний спор. Они, как считает американский советолог Бертрам Вольф, как бы реабилитировали друг друга. Ле-

⁵¹ Miljukov P. Russlands Zusammenbruch. Stuttgart, 1925-1926. Т. 1. P. 25.

⁵² Степун. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 104.

⁵³ Altrichter. Russland. P. 218; Hildermeier. Die Russische Revolution. P. 226-227.

⁵⁴ Altrichter. Russland. P. 217; idem. Staat und Revolution in Sowjetrussland 1917-1922/23. Darmstadt, 1981. P. 48-49; Hildermeier. Die Russische Revolution. P. 227-228; Keep. The Russian Revolution. P. 150.

нин и Троцкий в революционном 1917 году просто не могли обойтись друг без друга. Троцкий, ярко выраженный индивидуалист, в споре между двумя ветвями русской социал-демократии представлял свою собственную точку зрения и сначала не хотел идентифицировать себя ни с меньшевиками, ни с большевиками. С 1913-1914 года он был членом маленькой леворадикальной группы, так называемых «межрайонцев». Отсутствие собственной организационной базы Троцкий компенсировал необычным ораторским и публицистическим талантом. Уже в революции 1905 года он, тогда двадцатилетний молодой человек, приобрел широкую популярность как один из центральных деятелей Петербургского Совета рабочих депутатов. Еще больших успехов он достиг в 1917 году. Не только поклонники Троцкого, но и многие его противники считали его, пожалуй, самым влиятельным оратором революции. Но одного лишь ораторского таланта было недостаточно, чтобы играть в тогдашних событиях значительную роль. Для этого нужна была дисциплинированная партия профессиональных революционеров, которой располагал лишь Ленин. Не в последнюю очередь поэтому Троцкий, вернувшись в Россию из американской эмиграции в мае 1917 года, сразу же объявил о своей готовности сотрудничать с большевиками.

Но и для Ленина было в высшей степени важно иметь Троцкого в качестве своего союзника. Руководство большевистской партии в основном состояло из ленинских учеников, мало известных за пределами партии. Хотя это были своевольные ученики, которые не раз бунтовали против своего учителя, без Ленина они мало что собой представляли. Троцкий же, напротив, был самостоятельной политической фигурой сравнимой с Лениным величины. Троцкий сам многократно указывал на то, что он – не ученик, а равноправный партнер Ленина. В равноправном партнере, имевшем значительное влияние на меньшевистские революционные круги, Ленин и нуждался, в особенности после поражения 3-5 июля, когда вождь большевиков, чтобы избежать ареста, отказался от публичных выступлений и вплоть до большевистского государственного переворота в октябре 1917 года находился в подполье. Троцкий же, напротив, стал, несмотря на свое столь позднее вступление в большевистскую партию, публичным символом ее стремления к захвату власти. Николай Суханов, обычно не сентиментальный, с пафосом пишет о характере союза Троцкого с Лениным: «В этой монументальной игре [Ленина – Л.Л.] Троцкий был монументальным партнером»⁵⁵. Троцкий, который, как и многие вожди большевиков, был арестован после июльских событий, сразу же после «Корниловского мятежа» был освобожден. Это произошло 3 сентября 1917 года. Он возглавил руководство большевистской фракцией Совета и стал наряду с Лениным движущей силой готовившегося большевистского переворота.

⁵⁵ Suchanov. 1917. ... P. 404.

Несмотря на легкость, с которой Временному правительству удалось подавить «корниловский мятеж», положение правительства становилось все более сложным. Представители «высшего общества» отвернулись от Керенского, так как он, по их мнению, не хотел спасти Россию от анархии. Но и в Совете правительство утратило прежнюю опору. Число сторонников альянса буржуазии с социалистами начало драматическим образом сокращаться. Небольшевистские левые также переживали процесс радикализации, который вел к тому, что сила противников компромисса с «буржуазией» росла. В партии меньшевиков это были «интернационалисты» во главе с Мартовым, в партии эсеров – ее леворадикальное крыло во главе с М.А. Спиридоновой и Борисом Камковым⁵⁶.

Во время «Корниловского мятежа» в России начался новый правительственный кризис. Все министры ушли в отставку. Была образована временная «Директория», собрание из пяти человек – аналог Директории Великой Французской революции. Во главе этого органа встал Керенский, получивший особые полномочия и возглавивший вооруженные силы в качестве Верховного главнокомандующего. Официально провозгласив 3 сентября 1917 года Россию республикой, Керенский хотел подчеркнуть, что русская революция движется влево⁵⁷. Этим решением правительство потеряло оставшиеся симпатии правых, но и не стало более популярным в глазах левых. То, что лагерю революционной демократии надоели компромиссы с «буржуазией», отразилось на работе Демократической конференции, созванной правительством 14 сентября в Петрограде. На этой конференции, представлявшей левый спектр российской общественности, большевики никоим образом не доминировали. Из 1582 ее делегатов лишь 134 принадлежали к фракции большевиков⁵⁸. Несмотря на это, большинство делегатов проголосовало против продолжения союза социалистов с кадетами. Умеренным социалистам, в первую очередь Церетели, в конце концов все же удалось убедить конференцию передать решение вопроса о коалиции новому собранию – Демократическому совещанию, или же предпарламенту, который должны были избрать из своих рядов делегаты Демократической конференции. Предпарламент должен был быть дополнен представителями «буржуазного лагеря».

25 сентября 1917 года Керенский образовал третье коалиционное буржуазно-социалистическое правительство, которое, несмотря на его признание предпарламентом, находилось в подвешенном состоянии. Социальные и политические противоречия обострялись, страна шла к кризису, а правительство больше не было в состоянии контролировать его развитие. Ввиду происшедшего в стране сдвига влево и возрастающей опасности гражданской войны, некоторые левые социалисты, такие, как меньшевик Мартов и вождь эсеров Чернов, выступали за образование чисто социалистического правительства,

⁵⁶ Наше Отечество. Т. 1. С. 377-378.

⁵⁷ Altrichter. Russland. P. 214.

⁵⁸ Ibid. P. 210-211; Наше Отечество. Т. 1. С. 380-381.

которое должно было опираться на Советы и другие органы так называемой «революционной демократии». Эта концепция имела много сторонников и внутри большевистской партии. К ним принадлежали ближайшие соратники Ленина Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков и В.П. Ногин⁵⁹. Эти умеренные большевики выступили против жесткого и неуклонного ленинского курса на взятие всей власти в стране. 14 сентября Ленин писал в ЦК партии: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»⁶⁰.

Ленин насмеялся теперь над противниками немедленного восстания внутри своей партии. Аргумент оппонентов, что большевики еще не имеют поддержки большинства населения, он назвал наивным, «ни одна революция *этого* не ждет». Революция не может ждать, пока за нее выскажется ровно 51% населения. Такого рода голосования в момент революционной ситуации ничего не значат. Победа в революции принадлежит не тем партиям, которые имеют парламентское большинство, а тем, кто действует решительнее других и имеет сильные позиции в важнейших центрах страны. На аргумент своих противников внутри партии, прежде всего Зиновьева и Каменева, что марксистская партия не должна превращать революцию в военный заговор, Ленин отвечал, что марксизм – это многослойное учение, и теория восстания является составной его частью. В ситуации, когда революционная активность масс достигает кульминации, а защитники существующего строя деморализованы и нерешительны, отказ от восстания означает предательство марксизма⁶¹.

10 октября 1917 года в Петрограде состоялось конспиративное заседание ЦК большевиков, в котором участвовал Ленин. После острых споров собрание высшего руководства партии приняло по его настоянию следующую резолюцию: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим»⁶².

Из двенадцати присутствовавших членов ЦК десять заявило о своем согласии с этой резолюцией. Лишь Зиновьев и Каменев голосовали против. На следующий день они направили большевистским организациям доверительное письмо, в котором пытались предостеречь партию от авантюрного курса. Они были убеждены в том, что восстание, начатое в назначенный для него срок, закончится поражением, аналогичным тому, которое партия потерпела в июле 1917 года. Партия потеряет все свои позиции, завоеванные со времени разгрома корниловщины. Восстание ставит под удар не только судьбу большевиков, но и будущее всей русской и мировой революции.

⁵⁹ Наше Отечество. Т. 1. С. 380-381; Pipes. Die Russische Revolution. P. 252.

⁶⁰ Ленин. ПСС. Т. 34. С. 239.

⁶¹ Там же. Т. 34. С. 242-247, 399, 408-409, 413-414; см. также Мельгунов. Как большевики захватили власть. С. 14-20.

⁶² Ленин. ПСС. Т. 34. С. 393.

Каменев нарушил запрет, налагаемый большевистской дисциплиной, и обратился к общественности. 18 октября 1917 года в издаваемой Максимом Горьким левой газете *Новая жизнь* он во всех подробностях представил свою и Зиновьева точку зрения. Его вывод гласил: захват власти вооруженным путем будет иметь роковые последствия для революции⁶³. Тот факт, что Каменев выдал тайные планы партии, чрезвычайно возмутил Ленина. Он назвал поведение Каменева и Зиновьева «штрейкбрехерством»⁶⁴.

Но противникам большевиков мало помогли действия Каменева и Зиновьева. Подготовка к государственному перевороту шла почти открыто. Не только Каменев, но и многие противники большевиков предостерегали от большевистского путча, однако без ощутимых последствий. 7 октября 1917 года большевистская фракция демонстративно вышла из предпарламента, состав которого отражал компромисс, достигнутый к началу Февральской революции. Здесь были представлены как буржуазные, так и социалистические группировки. Этот компромисс большевики считали полностью себя изжившим. Центром их деятельности был Петросовет, в котором они доминировали с сентября 1917 года.

В этой связи все большее значение приобретал Военно-революционный комитет (ВРК), созданный 9 октября 1917 года по предложению одного депутата-меньшевика⁶⁵. Целью его создания первоначально была защита Петрограда от внешнего врага – немецких войск, которые после захвата Риги (21 августа 1917 года) и эстонских островов Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго) (8 октября 1917 года) все ближе подходили к столице России. Но большевики превратили ВРК в инструмент захвата власти. 22 октября 1917 года ВРК предъявил командующему войсками Петроградского военного округа Георгию Полковникову своего рода ультиматум, согласно которому все приказы Петроградского военного округа должны были выполняться лишь после их утверждения ВРК⁶⁶. Полковников отклонил это требование. Таким образом, гарнизон Петрограда одновременно был подчинен двум разным центрам – командующему округом и ВРК, которые не признавали друг друга. Двоевластие проявляло теперь полностью свою сущность, состоявшую в разрушении монополии государства на власть, в создании двух различных военных и управленческих структур, которые парализовали друг друга. Этот паралич всех механизмов государства однозначно шел на пользу большевикам. Действуя практически в одиночку, наперекор воле важнейших политических группировок страны и даже против воли части собственной партии, они смогли захватить единоличное господство в стране. Ленин, ссылаясь на Карла Маркса, многократно повторял, что пролетарской революции должен предшествовать слом буржуазной

⁶³ Наше Отечество. Т. 1. С. 380; Мельгунов. Как большевики захватили власть. С. 20-22.

⁶⁴ Наше Отечество. Т. 1. С. 380; Мельгунов. Как большевики захватили власть. С. 29.

⁶⁵ Altrichter. Russland. P. 220.

⁶⁶ Там же. P. 221.

государственной машины, прежде всего – военного аппарата государства. Позже, в ноябре 1918 года, он писал: «Без "дезорганизации" армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый законченный инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины»⁶⁷.

Ликвидация русской государственной машины представляла собой процесс, имевший собственную динамику. Большевики ускорили этот процесс, но не послужили его причиной. В итоге этот процесс привел к тому, что власть в России «валялась на улице». Но ни одна партия, кроме большевиков, не отважилась поднять ее, взять в свои руки всю тяжесть ответственности за судьбу разваливающейся страны.

Когда Ленин в июне 1917 года, выступая на I Всероссийском съезде Советов, объявил, что «наша партия ... в любой момент готова взять на себя всю власть», эти слова, как было сказано, лишь вызвали смех большинства депутатов. Через четыре с половиной месяца раскрылось их роковое значение. Поначалу Ленин возражал даже против предложенного Троцким маскировочного маневра – отложить государственный переворот до созыва II Всероссийского съезда Советов, назначенного на 25 октября. Этим маневром Троцкий хотел придать путчу вид легитимности: захват власти должен был произойти от имени Советов, а не только от имени большевиков. Ленин считал это пустой тратой времени. 29 сентября 1917 года он писал: «Ждать съезда Советов – полный идиотизм, так как это значит пропустить *недели*... Это значит трусливо отречься от взятия власти»⁶⁸. Ленин даже угрожал ЦК своей отставкой, если партия согласится с позицией Троцкого.

В конце концов действия большевиков явили собой своего рода синтез представлений Троцкого и Ленина. Государственный переворот состоялся в день созыва II Всероссийского съезда Советов, как того хотел Троцкий. Но съезд, в полном соответствии с ленинской тактикой, был поставлен перед уже свершившимся фактом. Когда он, незадолго до полуночи 25 октября, открылся, русская столица в основном находилась под контролем большевиков. Исключением был Зимний дворец, в котором укрылось Временное правительство. 26 октября 1917 года примерно в два часа ночи пал и этот последний бастион Февральской революции. Штурм Зимнего дворца происходил на самом деле совсем не так, как это изображалось в многочисленных произведениях советских художников, поэтов и кинорежиссеров. Временное правительство сдавалось практически без боя, так как почти не имело в своем распоряжении верных ему войск. Так, почти бескровно, произошел большевистский государственный переворот, ознаменовавший одну из самых радикальных революций

⁶⁷ Ленин. ПСС. Т. 37. С. 295.

⁶⁸ Там же. Т. 34. С. 281; см. также Мельгунов. Как большевики захватили власть. С. 32, 77-78.

в истории, переворот, с которого началось становление первого тоталитарного режима современности.

Бегство от ответственности

Свидетели тех событий, такие как Суханов, полагают, что военный комендант Петрограда Полковников мог бы, опираясь лишь на примерно полтысячи солдат и юнкеров, быть в состоянии занять Петросовет и ВРК, где доминировали большевики, и тем самым парализовать центр планируемого восстания. Другие авторы также считают, что одного или двух дисциплинированных и верных правительству полков было бы достаточно для того, чтобы сорвать путч. Троцкий, наряду с Лениным важнейший организатор государственного переворота, тоже был согласен с этим утверждением⁶⁹. То, что таких полков так и не нашлось, до сих пор представляет загадку для исследователей тех событий. Керенский в день большевистского переворота тайно покинул Петроград и направился в Псков – в штаб войск русского Северного фронта⁷⁰. Здесь он безуспешно пытался уговорить командующего фронтом генерала Черемисова направить войска в Петроград. Лишь небольшая воинская часть, около шестисот казаков под командованием атамана Краснова, была готова следовать за ним. 30 октября казаки Краснова достигли пригорода Петрограда Пулковско. На Пулковских высотах их встретили и заставили отступить плохо организованные, но численно превосходящие силы большевиков⁷¹. Это было практически последнее сражение Временного правительства, вынужденного окончательно покинуть политическую сцену.

Почему же большевистский государственный переворот в Петрограде, против которого выступал почти весь политический класс России и даже некоторые большевики, прошел так беспрепятственно? Чтобы нам легче было ответить на этот вопрос, следует провести параллель с другим событием, также имевшим необратимые последствия, а именно с захватом власти национал-социалистами в Германии в 1933 году. Он тоже прошел почти беспрепятственно, пожалуй, даже еще более гладко, чем захват власти большевиками в России. Национал-социалисты, в отличие от большевиков, имели сильных союзников – немецких консерваторов, которые контролировали многие ключевые позиции в Веймарской республике и практически передали власть в руки НСДАП. Консерваторы передали государство, которое они же и должны были защищать, его непримиримым врагам. Это беспрецедентное «предательство элит» Эрнст Никиш, один из острейших критиков национал-социалистической дик-

⁶⁹ Trotzki. *Geschichte der russischen Revolution*. P. 634, 718.

⁷⁰ Мельгунов. *Как большевики захватили власть*. С. 100-102, 145-157

⁷¹ Kerenski. *Erinnerungen*. P. 406-439; Суханов. *Записки*. Т. 3. С. 371-375; Мельгунов. *Как большевики захватили власть*. С. 157-165.

татуры, который в Веймарские времена принадлежал к лагерю так называемой «консервативной революции», объясняет так: «[Немецкие буржуазные слои] были сыты по горло господством безличного закона и презирали свободу, которую он гарантировал; они хотели служить человеку, авторитету личности, диктатору, вождю... Они предпочитали колебания настроения и взрывы произвола вождя строгой предсказуемости и установленным правилам неприкосновенного законного порядка»⁷².

Социал-демократ Конрад Хейден говорит в связи с триумфом национал-социализма о бегстве политического класса Германии от ответственности, о «веке безответственности»⁷³. Но и в связи с триумфом большевиков в России можно говорить о бегстве от политической ответственности, своего рода дезертирстве, на сей раз – российской политической элиты. Тщетный поиск войск, которые были бы готовы защищать русскую демократию от ее смертельных врагов последним демократическим премьер-министром страны, наглядно свидетельствует об этом дезертирстве.

Как же обстояло дело с теми социалистами в Советах, что были против большевиков? На открывшемся 25 октября 1917 года II Всероссийском съезде Советов, в отличие от прошедшего в июне 1917 года I Всероссийского съезда Советов, они были в меньшинстве. На II съезде, в работе которого принимали участие около 670 депутатов, однозначно доминировали большевики; их фракция насчитывала более 300 членов. Левые эсеры, по своим политическим взглядам ближе всех стоявшие к большевикам, были представлены более чем 90 депутатами. 505 депутатов поддерживали лозунг «Вся власть Советам», т.е. выступали за свержение Временного правительства⁷⁴.

Противостоявшие им умеренные социалисты – меньшевики и правые эсеры – осудили большевистский государственный переворот как акт крайнего произвола, который ввергнет страну в гражданскую войну, и после этого заявления покинули зал заседаний. Когда противники большевиков покидали зал и, тем самым, политическую сцену, Троцкий прокричал им вдогонку: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло – это восстание, а не заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение? Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России ... Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел ..., мы должны сказать: Вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль

⁷² Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953. P. 87.

⁷³ Heiden K. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

⁷⁴ Hildermeier. Die Russische Revolution. P. 240.

сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в мусорную корзину истории»⁷⁵.

Протест противников путча являлся, без сомнения, лишь красивым символическим жестом, призванным показать приверженность демократическим ценностям, над которыми совершившие государственный переворот большевики публично надругались. Этот жест напоминает отказ фракции Социал-демократической партии Германии в Рейхстаге одобрить Закон о чрезвычайных полномочиях от 23 марта 1933 года, когда германский парламент передал свои прерогативы в руки Гитлера. Оба эти жеста никак не могли предотвратить диктатуру; они явно запоздали. Такого рода протесты не в состоянии поколебать тоталитарные режимы, которые стремятся достичь своих целей прежде всего с помощью безграничного насилия. Они отказываются от политики в классическом смысле этого слова как «искусства возможного» и ликвидируют своих политических противников.

Авторизованный перевод с немецкого: Борис Хавкин

⁷⁵ Суханов. Записки. Т. 3. С. 337.